

Глава 29. Стоит съесть сладкого — и злость пройдет

Снадобье на этот раз подействовало далеко не сразу.

Боль скрутила внутренности с такой силой, что у Бая Чэнцзюэ не осталось сил даже на стон. Пальцы судорожно вцепились в резную деревянную спинку кровати, готовые глубоко вдавиться в завитки узора.

Снаружи не утихал глухой стук: Сюэ Бэйван раз за разом колотил ладонью в дверь. Каждый удар отдавался в голове Чэнцзюэ невыносимым, пульсирующим давлением, от которого в ушах протяжно зазвенело.

— Цзюэюй! — донеслось из-за двери. — Отзовись! Если сейчас же не ответишь, я выломаю дверь!

Бай Чэнцзюэ глубоко вздохнул, стараясь говорить как можно ровнее:

— Вчера ты заставил меня просидеть на улице всю ночь. Я только сейчас вспомнил об этом и снова разозлился.

Едва договорив, он зажмурился и крепко прикусил сустав указательного пальца, загоняя рвущуюся наружу жалобу обратно в грудь.

По ту сторону двери воцарилось молчание. Прошло не меньше полуминуты. Когда волна боли наконец немного отступила, Чэнцзюэ без сил откинулся на постель. Переведя дух, он негромко добавил:

— Я хочу фруктов. Съем чего-нибудь сладкого — и злость пройдет.

— Хорошо! — тут же отозвался Сюэ Бэйван. — Я сейчас же схожу и куплю!

— А деньги-то у тебя есть? — спросил Чэнцзюэ.

— Раз ты хочешь, я расшибусь в лепешку, но все достану!

Даже сквозь запертую дверь Чэнцзюэ, казалось, видел растерянное и виноватое лицо Сюэ Бэйвана.

Он медленно свернулся на постели калачиком и, глядя в пустоту перед собой, слабо улыбнулся:

— Закладывать подвеску нет нужды, Бэйван. Свари мне лучше сладкой воды с тростниковым сахаром, идет?

— Ладно! Я мигом. А ты жди меня в комнате, никуда не уходи!

Из коридора донесся торопливый, почти панический топот удаляющихся шагов.

Лишь спустя четверть часа запоздалое действие снадобья окончательно прогнало из тела сковывающую боль. Лекарство, которое на этот раз приготовил Лэ Ую, оказалось слишком мягким и щадящим — от него нельзя было ждать мгновенного облегчения.

Стиснув зубы и преодолевая свинцовую слабость в онемевших конечностях, Бай Чэнцзюэ с трудом поднялся на ноги. Пошатываясь, он добрел до медного таза и смыл водой следы выступившего пота и пугающие алые капли, запачкавшие лицо и ладони.

Немного придя в себя, он повернулся к бронзовому зеркалу. Его губы, обычно хранившие нежный розоватый оттенок, сейчас побледнели. Лицо было бледным, словно у выходца с того света.

Глядя на свое отражение, он устало прикрыл глаза. С губ сорвался тихий, горький смешок.

«Покойный император как-то сказал, — мысленно усмехнулся он, — что от камня, который кладут под ноги, требуется лишь одно — послужить опорой. Жить долго ему совершенно незачем»

Он медленно пересел к туалетному столику. Взяв баночку с помадой, кончиками пальцев аккуратно распределил ее по губам. Яркий, сочный багрянец мгновенно вернул его изможденному лицу подобие жизни.

Услышав шаги во дворе, Чэнцзюэ белым шелковым платком стер остатки помады с пальцев и неторопливо отодвинул засов.

Сюэ Бэйван, уловив движение, удивленно спросил:

— О, ты уже услышал меня?

Чэнцзюэ распахнул дверь. Сюэ Бэйван стоял на пороге, бережно держа в руках дымящуюся пиалу со сладкой водой, и глуповато, но бесконечно искренне улыбался.

— Так и будешь стоять на пороге как истукан?

— А... нет, — спохватился юноша и, стараясь не пролить ни капли, поспешил в комнату. — Ты присядь сначала.

Бай Чэнцзюэ послушно опустился на табурет. Он заметил, как Сюэ Бэйван, поставив горячую пиалу на стол, тут же прижал обожженные пальцы к мочкам ушей, пытаясь унять жар.

Вздыхнув, Чэнцзюэ перехватил его за запястье, притянул к себе и принялся мягко дуть на покрасневшие подушечки пальцев.

— Неужели трудно было взять поднос или хотя бы обернуть чашу мокрым полотенцем? — с мягким укором пробормотал он. — Вечно ты торопишься, не думая о мелочах. Такой неосторожный...

Он собирался прочесть длинную нотацию, но, встретив преданный, сияющий взгляд Сюэ Бэйвана, лишь обреченно вздохнул и продолжил бережно овеивать прохладой его ожоги.

Сюэ Бэйван, чуть склонив голову, заглянул в его затуманенные глаза:

— Да ладно тебе, не беспокойся, совсем не больно. У меня на ладонях мозоли толщиной в палец, железо приму — не почувствую. Хочешь, сам потрогай?

Бай Чэнцзюэ тут же выпустил его руку и выпрямился:

— Вот как? Раз твои мозоли заменяют тебе прихватки, то и жалость моя тебе ни к чему.

Видя, что юная Первая красавица отвернулся, Сюэ Бэйван поспешно пододвинул свой табурет ближе и вновь протянул ладонь:

— Ну вообще-то больно... Дунь еще разок, а?

Чэнцзюэ снова взял его за запястье и тихонько подул на покрасневшую кожу.

Прошло несколько мгновений, прежде чем Сюэ Бэйван осторожно коснулся пальцами его лба:

— Тебе нездоровится? Волосы у висков совсем мокрые, да и бледный ты какой-то.

Стараясь казаться непринужденным, Бай Чэнцзюэ отстранился и ровно ответил:

— Просто не выспался из-за вчерашнего. Устал немного.

Не успел он договорить, как Сюэ Бэйван без лишних слов подхватил его на руки. Движения юноши были настолько стремительными и резкими, что Чэнцзюэ от неожиданности едва успел обхватить его за шею, чтобы не упасть.

Лишь когда его бережно опустили на постель, он медленно разомкнул объятия.

Сюэ Бэйван молча стащил с него обувь. Он плотно сжал губы и сурово нахмурился — казалось, он прямо сейчас готов был объявить войну всему миру.

— Бэйван? — тихо позвал Чэнцзюэ.

Юноша натянул одеяло до самого его подбородка и ласково провел ладонью по щеке. Напряжение на его лице так и не улеглось:

— Спи. А сладкую воду выпьешь, когда проснешься. Я сварю свежую.

— Хорошо.

Когда Бай Чэнцзюэ снова открыл глаза, за окном уже брезжил серый утренний свет. Сюэ Бэйван сидел рядом, привалившись спиной к изголовью кровати, и дремал.

Похоже, Чэнцзюэ проспал целые сутки. Он приподнялся и потер ноющие виски. С самого детства он не позволял себе так крепко и безмятежно спать в присутствии посторонних.

То ли его тело с каждым днем становилось все слабее, то ли он сам, незаметно для себя, начал доверяться Сюэ Бэйвану.

Почувствовав движение, Сюэ Бэйван открыл глаза и тут же подался вперед:

— Как ты? Лучше?

— Да.

— Полежи еще, а я пойду приготовлю сладкую воду. Как сварю — разбужу.

Бай Чэнцзюэ согласно кивнул, повернулся на бок и снова закрыл глаза.

Сюэ Бэйван долго смотрел на его спящее лицо. Без слоя помады Чэнцзюэ казался совершенно

бледным, что лишало его облик последних красок жизни.

Ему нестерпимо захотелось коснуться этой бледной щеки, но, удержав себя, он лишь крепко сжал кулаки, поднялся и бесшумно вышел из комнаты.

У плиты Сюэ Бэйван долго стоял неподвижно. Стоило ему вспомнить безжизненную бледность Чэнцзюэ, как ярость вновь закипала в груди. Он не выдержал и с силой ударил кулаком по краю каменного очага.

— От нашего посланника уже несколько дней ни слуху ни духу. Хозяин грешным делом подумал, что тебя прирезали в какой-нибудь подворотне.

Сюэ Бэйван медленно обернулся к двери. Голос, сочившийся ядовитой издевкой, заставил его мгновенно приготовиться к броску.

На пороге стоял человек в черном облегающем костюме и маске, скрывающей лицо.

Поскольку Бэйван промолчал, незванный гость хмыкнул и продолжил:

— Хозяин велел передать: если ты жив, но не явился на встречу, значит, тебя приворожила какая-то девка. И судя по тому, что я вижу, он не ошибся. Видно, пока эта смазливая тварь не сдохнет, наш верный пес так и не вспомнит, ради чего прибыл в царство У!

Пальцы Сюэ Бэйвана скользнули по рукояти разделочного ножа, лежавшего на краю стола. Голос его упал до ледяного хрипа:

— Только попробуйте.

— Не стоит так злиться, господин посланник. Раз уж эта потаскушка принадлежит тебе, хозяин не станет заходить слишком далеко. Мы всего лишь пригласим твою Первую красавицу в гости в наше поместье, чтобы дать тебе время прийти в себя и...

Договорить нападающий не успел. Раздался глухой, влажный удар, а следом — дикий, захлебывающийся вопль. Тяжелый нож, брошенный рукой Сюэ Бэйвана, начисто снес голень черного шпиона чуть ниже колена.

Человек с грохотом рухнул на каменный пол, корчась от невыносимой боли. Сюэ Бэйван неторопливо подошел к нему, рванул за волосы, заставляя задрать голову, и поволол к выходу. Обрубок ноги скользил по каменным плитам, оставляя за собой широкий, дымящийся кровавый след. Раненый истошно выл, но Сюэ Бэйвану было плевать.

Этот истошный крик трогал его куда меньше, чем едва заметная гримаса боли, которая могла

появиться на лице его ненаглядной Первой красавицы от столь резкого шума.

Он бесстрастно тащил шпиона через двор прямо к покоям Бая Чэнцзюэ. Кровавая полоса тянулась за ними уродливой лентой.

Увидев, что дверь в комнату распахнута настежь, Сюэ Бэйван резко отшвырнул шпиона в сторону и ворвался внутрь.

Постель была пуста.

<http://bllate.org/book/18210/1752241>